

К.А. Павлов-Пинус

ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЕ О СОЗНАНИИ: ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ ПРОЛЕГОМЕНЫ ЧАСТЬ I

Павлов-Пинус Константин Александрович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: pavlov-koal@ya.ru

В статье ставятся следующие вопросы: как правильно спрашивать о сознании? Что именно нас интересует в сознании? Откуда черпать критерии того, что считать «правильным» ответом на тот или иной вопрос? Следует ли рассчитывать на то, что однажды будет создана теория сознания, исчерпывающе отвечающая на все наши вопросы о его природе, или же горизонт вопрошания о сознании лишь отдаляется, дифференцируется и усложняется? Решение этих вопросов предполагает необходимость предварительного анализа спектра базовых исследовательских интенций, ориентированных на теоретизирование как таковое. В работе обосновывается структурное разнообразие базового спектра теоретических интенций, а также то, что его внутренняя множественность и многомерность не является случайной. Особое внимание уделяется критике объективистских подходов к теоретизированию, в частности объясняется, почему стремление к объективной истине неверно причислять к базовым теоретическим интенциям, тем более когда речь идет о тематизации сознания. Помимо прочего, выдвинуто предположение, что феноменологический проект Dasein-анализа, в его исходной версии, следует считать успешно завершенным, поскольку современная наука получила в свое распоряжение основные конструктивно прописанные ходы, полученные феноменологами в ходе этого исследования. Об этом говорят успехи компьютерного моделирования психических процессов, архитектура которых де-факто подтверждает справедливость феноменологических разработок, а также концептуальные ресурсы так называемых нейрофеноменологии, микрофеноменологии и кибернетики второго порядка, так или иначе впитавшие в себя многие открытия феноменологии. Такое положение дел указывает на необходимость выхода феноменологического анализа сознания на новый уровень проблематизации, а также на желательность поиска новаторских альтернативных решений.

Ключевые слова: теоретизирующее сознание, понимание, базовые теоретические интенции, объективные истины, целевые конфликты теорий, Dasein-анализ, нейрофеноменология, кибернетика второго порядка

Постановка задачи

Цель этой статьи – освоить определенное смысловое пространство, исходя из которого можно основательно ставить *теоретические вопросы* о природе сознания. Основательно, т. е. на основе должным образом продуманной структуры вопрошания, обрисованной в перспективе ее дифференцированной целостности и отражающей полноту изучаемого феномена в той мере, в которой эта полнота *сегодня* доступна реконструированию из отчетов, представляемых современными исследователями сознания (науками, различными направлениями философствования, метафизикой).

Почему надо начинать с общего анализа вопросов, а не сразу хвататься за построение очередной теории или, по крайней мере, за критику существующих? Во-первых, ситуация в современной науке и тем паче в философии такова, что можно без труда (и безгранично) множить число «ответов» в самых разных областях знания – в науке ли, в рамках ли метафизики – не выходя, однако, при всей формальной правильности и строгости ответов за рамки банальной понятийной и терминологической комбинаторики, фактически имеющей нулевой прирост на глубоком концептуальном уровне. Имеется и вторая, можно сказать, чисто логическая причина: совершенно бессмысленно заниматься некими «ответами» до того, как уточнен соответствующий вопрос. А вопрос – это не просто вопросительное предложение. Вопрос еще должен быть обоснован в своей претензии на осмысленность, а структура этой «осмысленной вопросительности» должна быть максимально полно раскрыта. «Постановка вопроса... означает такую его разработку, которая позволяет обрести ясный горизонт вопрошания... а вместе с тем и предварительную разметку пути и отдельных шагов исследовательского поиска ответа, предварительное указание на то, из чего ответ будет почерпнут и чем он будет подтвержден»¹. Поэтому вместо того, чтобы пытаться браться за ту или иную проблему касательно природы сознания (которая, скорее всего, окажется наугад выбранной), мы начнем наши рассуждения с весьма общих соображений: а именно с предварительного анализа базовых ориентиров, направляющих человеческую устремленность к теоретизированию как таковому.

И все же, для того, чтобы сделать эту тему более конкретной, мы можем забежать немного вперед и заранее озвучить одну из существенных неясностей, относительно которой хотелось бы получить какие-то дополнительные разъяснения. Существует ли некий «главный», единственно важный вопрос о природе сознания (например, «что такое сознание?»)², ориентируясь на который можно было бы получить все интересующие нас ответы о природе сознания, или же *одного* такого вопроса не существует? Поясним, почему это значимо. Еще Декарт³ верил, что мир может быть исчерпывающе понят – *каждым отдельным* человеком, внимательно изучившим, разумеется, труды Картезия, – методом постановки небольшого числа простых вопросов и получения довольно простых ответов (это, правда, совершенно не значит, что формулировка простых вопросов *дается легко*, и, тем более, не значит того, что легким является путь, ведущий к «простым» ответам; все это прекрасно понимал Декарт и многократно уведомлял об этом своих читателей).

¹ Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск, 1998. С. 150.

² Уточним следующее: вопрос «что такое сознание?» небезобиден, ибо предполагает возможность исчерпывающей тематизации сознания как некоей «чтойности», подталкивающей, в свою очередь, к процедурам объективации сознания. На мой взгляд, выбор такого вопроса с самого начала задал бы неверные, искусственно зауженные ориентиры.

³ Декарт Р. Первоначала философии // Декарт Р. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 306.

Сегодня тем не менее мы уже привыкли к тому, что Декарт был неправ, по меньшей мере, в одном отношении, а именно в том, что количество принципиальных вопросов, которые можно было бы адресовать природе, человеку, обществу (и т. д.), является чрезвычайно большим, а ответы, как правило, бывают настолько сложными, что их понимание оказывается доступным только небольшим группам соответствующих специалистов. Но нам еще предстоит привыкнуть и к тому, думается мне, что и сами вопросы могут иметь чрезвычайно сложную структуру, как внутреннюю, так и ту, что связывает множасьщиеся как снежный ком вопросы в пестрый горизонт, только и делающий осмысленными каждый из них в отдельности.

Итак, из какой же почвы произрастает этот пучок «первичных» исследовательских интенций (наиболее универсальных по своему охвату) и на что ориентировано само стремление к теоретизированию, сопровождающее человека на протяжении всей его истории? Можно ли в самых общих чертах указать базовые интенции и способы их инициации, оценить их взаимосвязи и степень охвата «первичного» кругозора человеческих интересов, приводящих к возможности теоретизирования? Ведь не случайно же Декарту казалось, что все это можно упаковать в довольно простые схемы.

В качестве предварительных соображений, которые будут корректироваться по ходу дела, на начальном этапе можно предложить следующие формулировки. Мы сознательно будем использовать наиболее нейтральные слова и термины, на сегодняшний день всего менее обремененные метафизической и прочей теоретической нагрузкой. И дело, конечно, не только в нейтральности, но и в определенной терминологической неопределенности, которую мы в дальнейшем постараемся выгодно использовать для наших рассуждений (в особенности это будет касаться слова «понимание»). Итак, в первом приближении можно было бы сказать, что стремление к теоретизированию как таковому фундировано – как минимум – в следующих трех базовых интенциях. 1) В стремлении к *увеличению понятности феноменов*, попадающих в поле человеческого внимания; 2) в стремлении к *увеличению предсказуемости* хода жизненных процессов, 3) в естественной необходимости умения *ориентироваться в мире*, т. е. в стремлении⁴ к *увеличению упорядоченности* всего того, с чем мы сталкиваемся, а это возможно благодаря все более детальному и/или глубокому *концептуальному выявлению* – как наличных, так и еще только возможных – внутренних связей тематизируемых феноменов, их *описанию* и, если того требуют прагматические цели, реконфигурированию. Возможно, с рядом оговорок, сюда следовало бы отнести и 4) стремление к эстетическому осмыслению всевозможных аспектов человеческого бытия.

Отметим несколько важных обстоятельств. Пункт первый из нашего списка, тематизирующий «увеличение понятности», самый туманный и самый трудноуловимый; это напрямую связано с глубинным затруднением самой природы такой вещи, как «понимание». Понимание (как некое событие-в-мире, связующее воедино перспективы сознания от первого, второго и третьего лица) является, пожалуй, наиболее загадочным феноменом. Под рубрику «понимание» можно подвести так много феноменов сознания и пси-

⁴ Заметим на будущее, что слово «стремление», которым избобилует предыдущий абзац, мы выбрали не случайно: одно из определений человека, которые можно найти у Аристотеля, звучит так: «человек – это стремящийся ум, или умное стремление (orexis)». Эта перекличка смыслов нам еще пригодится, когда мы будем совершать различные историко-философские экскурсы; ведь в средоточии нашего внимания должен оказаться феномен «сознания», являющийся главным атрибутом человека в его существе.

хики вообще, и сам этот концепт является настолько размытым и нечетким, что он еще долго будет служить источником непредвиденных толкований⁵ и контрпримеров для самых разных «теорий сознания». Напротив, для понятий предсказуемости и упорядоченности существуют достаточно полные определения, в значительной мере конструктивные; и поэтому эти понятия не представляют собой никакой особенной концептуальной трудности. Процедура *описания* нередко представляется обманчиво простой, с этой процедурой связана идея концептуального выявления (аналитической и/или феноменологической экспликации) всего того, что попадает в поле исследовательского внимания; это наиболее «философская» процедура, требующая к себе особого отношения. Заметим также, что мы не стали выделять феномен объяснения в качестве особой исследовательской интенции: в значительной мере его следует считать частным случаем «стремления к понятности», причем одним из наиболее продуманных и конструктивно описанных частных случаев⁶; об этом мы еще поговорим ниже.

Теперь остановимся вот на чем: понятность, предсказуемость и ориентация в мире – вещи настолько фундаментальные для человеческой жизни, что стремление к ним интуитивно оправдано практически в безусловном смысле. Однако остается непроговоренным один существенный момент: в чем же заключается особенность (или преимущество) *непрерывно теоретического* воплощения всех этих «базовых» устремлений? Мы пока не сказали, в чем смысл теоретизирования как такового и почему именно процедуры теоретизирования являют собой способ предельно полного осуществления базовых, дотеоретических интенций.

Теоретизирующее сознание: смысловая двойственность

Попробуем ответить на последний вопрос. Вчерне можно предложить следующий ответ: в той мере, в какой результаты проделанной работы должны быть *адресованы* любому, кто захочет *воспроизвести* смысл исходной проблемы, затем *воспроизвести* ход рассуждений и получить соответствующий результат, вот ровно в этой мере работа над увеличением понятности, предсказуемостью и упорядочением имеет характер *теоретизирования*. В каком-то смысле это можно назвать первичным определением теоретизирования: теоретизирование – это такая форма осуществления (тех или иных) базовых «исследовательских интенций», которая изначально несет в себе нацеленность на (неограниченную) *сообщаемость* своих результатов и делает их открытыми для (неограниченной) критики, перепроверки и корректировки. Можно немного сместить акценты и сказать следующее: в отличие от стремления понимать окружающий мир, в человеке неустранимо наличествует и стремление *быть понятым* другими (т. е. интенция к *выраже-*

⁵ О том, что внутреннее обустройство событий понимания может иметь совершенно разную архитектуру, разную смысловую логику, см.: Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М., 1990; Ахутин А.В. Поворотные времена. СПб., 2005; Смирнов А.В. Смыслополагание и инаковость культур // Россия и мусульманский мир: инаковость как проблема. М., 2010. С. 15–123.

⁶ Известное различие «объяснения» и «понимания», положившее начало размежеванию наук о природе и наук гуманитарных, мне представляется терминологически не очень удачным. Сам этот разрыв оправдан, но я считаю неправильной идею противопоставлять объяснение пониманию, а само различие между гуманитарными и естественными науками было бы точнее строить на различии между обобщающими методами и индивидуальными методами.

нию, доступная понятности, воспроизведению и критике со стороны других). Вот этот пучок компонент, определенным образом оформленных, и является «сущностью» такой исследовательской интенции, как теоретизирование.

В качестве иллюстрации скажем, например, что с точки зрения нашего понимания смысла теоретизирования юридическую практику мы будем связывать с понятием теоретизирования (точно так же, как и занятие математикой или пушкиноведением) всякий раз, когда вовлеченные в юридический процесс люди стремятся к максимальной понятности, сообщимости и воспроизводимости своих доводов и излагаемых фактов⁷. Даже работу политтехнологов, маркетологов и всякого рода манипуляторов общественным мнением в некоторых своих аспектах следует считать «теоретичной» именно потому, что она не только ориентирована на «упорядочение» людских масс в свете определенных идеологических (или маркетологических) представлений, но и потому, что участие в этой работе предполагает следование определенным правилам игры, intersубъективно понятным внутри соответствующей команды действующих лиц; другое дело, что смысл теоретичности в подобных случаях является чрезвычайно зауженным, не говоря уж о том, что он ни в коей мере не является здесь самоцелью. Мне пока важно подчеркнуть лишь то, что «теоретическая компонента», пусть в сколь угодно зачаточном виде, присутствует далеко за пределами целенаправленно теоретической деятельности.

Итак, глубинный смысл теоретизирования в нашем понимании заключается вовсе не в нацеленности на создание некоей законченной теории, а *прежде всего* в целенаправленном создании общепонятных сообщений, намеренно допускающих и даже провоцирующих неограниченную их критику, дальнейшую корректировку и регулярную воспроизводимость их исходного контекста, т. е. изначальной проблемной ситуации. Ведь сами по себе три вышеперечисленные «базовые интенции», переживаемые как нехватка понятности, как желание уметь предугадывать ход вещей и как переживание нехватки умения ориентирования-в-мире, ни в коей мере не «теоретичны». Они лишь лежат в основании «стремления к теоретичности», находя в развернутых теориях свое более полное и дифференцированное, а возможно, и определенным образом трансформированное выражение.

Обратим теперь внимание на одно обстоятельство. Мы сказали, что прежде чем начать говорить *непосредственно* о сознании, необходимо рассмотреть вопрос о природе теоретизирования и о его истоках. Однако нетрудно понять, что мы так или иначе уже начали разговор о самом сознании: а именно, о сознании в аспекте его направленности на любой вопрос, который в принципе мог бы оказаться быть разрешенным «теоретически», т. е., в частности, intersубъективно устойчивым образом. Пребывание в вопросительности (в озадаченности, в заботе о...), с интенцией к *общепонятным* способам ее разрешения, – это и есть стихия наиболее собственного осуществления сознания: не в последнюю очередь в этом сказываются и социальные *истоки* его становления, и общественное признание как *цель* всякого сознания, стремящегося быть сознанием *признанным*. Сознание – чем дальше оно от простого пребывания в неких психических состояниях и чем ближе

⁷ Громкие политические процессы, имевшие место в современной России, в ряде аспектов не удовлетворяют ни требованию понятности и согласованности обвинений, ни их открытости и нацеленности хода расследования на «неограниченную сообщаемость» и проверяемость. Это говорит о наличии закулисной компоненты заведенных дел и заказном характере этих процессов. Именно поэтому они в минимальной степени являются «теоретичными» в нашем понимании этого термина.

оно к полюсу самосознания, – обнаруживает свою индивидуальность, особенность, свою определенную бытийность не столько в актах причащения к общему знанию и общим нормам, сколько в актах сомнения, неуверенности, незнания (то, что $2 \times 2 = 4$ есть общее знание; а вот, например, непонимание того, *почему всегда* это так, есть уже мое индивидуальное непонимание⁸). Поэтому анализ условий возможности теоретизирования, коренящегося в понимании непонимания, в понимании необеспеченности моего знания и даже моего бытия, оказывается коррелятивным непосредственному анализу наиболее важных модусов сознания. Мы уже сказали, что теоретизирование – это доведенная до своей полноты, до социально проявляющихся эффектов интенция сознания к своему *выражению* (т. е. выражению того, о чем оно, это сознание, и того, какие ожидания с этим выражением связываются). Таким образом в теоретизировании – если его понимать как исполнение выражения, возведенное в ранг интересубъективного события, – находит свое воплощение само сознание, в некоторых своих наиболее значимых аспектах. Сознание раскрывает себя *особым* образом в событии успешно осуществленного теоретизирования. Имеет смысл запомнить это обстоятельство: выходит, что один из путей, ведущих прямо к сознанию, надо искать тут – в описании того события, которое совершает человеческая психика в своем разворачивании от простого (дотеоретического) беспокойства, постепенно принимающего форму осмысленного вопроса, и вплоть до момента своей теоретической выраженности, вовлекаемой в процесс интересубъективного истолкования и дискуссии. Иначе говоря, теоретизирование о сознании можно понять – и нужно понять – как модус самого сознания, вовлеченного в процесс теоретизирования. Здесь мы имеем дело с двумя *нетождественными* сторонами одного процесса.

Ясно, что теоретизирование о сознании – это лишь одна из форм осуществления сознания. Значительно менее ясен вопрос о том, сможет ли когда-либо некая теория сознания (или даже целая сеть различных теорий сознания, нацеленных на понимание специфических аспектов жизни сознания) дать нам исчерпывающий ответ на все вопросы, которые можно в принципе адресовать сознанию. Например, Гегель в своем труде по феноменологии духа, имеющем подзаголовок «Наука об опыте сознания», верил, что такая теория возможна. Этой гипотезе, хотя и совсем в другом исполнении, доверяют и многие современные исследователи (яркий выразитель этой точки зрения в лагере сциентистов – Д. Деннет⁹). Я же пока оставляю этот вопрос открытым, ибо для его толкования необходимо детально разобрать такие эпистемические понятия, как объяснение, описание, моделирование, прогнозирование, интерпретация и многие др., и уж потом делать предварительные выводы о том, чего могут и чего не могут разнообразные теории.

⁸ Философские основания этого обстоятельства весьма различны; здесь можно вспомнить и «Феноменологию духа» Гегеля с его анализом «несчастливого сознания», и, например, проблему «следования правилу», заостренную С. Крипке в его книге «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке», а также любопытное замечание Ч. Пирса о том, что не существует абсолютной эпистемической необходимости того, что дважды два это четыре (см. об этом: Патнем Х. Комментарии к лекциям // Пирс Ч.С. Рассуждение и логика вещей: Лекции для Кембриджских конференций 1898 года. М., 2005. С. 91–92).

⁹ Вот типичная для позиции Д. Деннета фраза: «По-прежнему кажется, что эти механистические теории сознания оставляют что-то за бортом, но, разумеется, это иллюзия. В действительности они объясняют все, что требуется объяснить относительно сознания» (цит. по: Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М., 2009. С. 135).

Структурное разнообразие «базовых» интенций

Вернемся к вопросу о том, существует ли один-единственный «главный» вопрос о сознании или же таких принципиальных вопросов неопределенно много? Заметим, что интуиция все время норовит увидеть в стремлении к увеличению понятности некую всеобъемлющую исследовательскую интенцию, к которой предположительно можно свести все прочие интенции сознания, поскольку и объяснение, и обнаружение предсказательных процедур и/или упорядочивающих принципов *зачастую* оказывается еще и некоей фигурой понимания, т. е. как бы частным случаем увеличения понятности. Тем не менее «зачастую» и «всегда» это не одно и то же; поэтому не будем спешить подводить все виды теоретической мотивации под одну гребенку; далеко не во всех смыслах понятность феноменов правомерно отождествлять с их теоретической объяснимостью или же с предсказуемостью их поведения.

Чтобы разобраться с этим, давайте спросим следующее: чем может быть оправдан выбор именно этих, а не иных ориентиров в качестве *базовых* «исследовательских интенций»? Почему мы ставим вопрос об увеличении понятности, а не, например, о приросте знания? Почему бы сразу не назвать стремление к понятности – стремлением к познанию? Ведь многие, скорее всего, сказали бы, что главным поставщиком надежного знания сегодня является наука, а целью науки является получение *объективного знания*, открывающего нам – через процедуру познания – доступ к самой *объективной истине*. Почему стремление к «объективной истине» мы не включили в число базовых интенций?

Сначала ответим на вопрос, почему увеличение понятности далеко не исчерпывается идеей прироста *знания*. Ответим мы пока совсем коротко, лишь указав на один существенный тип примеров, о котором мы уже говорили: я имею в виду *ориентацию в мире* (в частности, в пространстве, во времени, в символических системах, в нравственных коллизиях и т. п.). Простейшая иллюстрация: когда мы прогуливаемся в сумерках по хорошо знакомым улицам или же когда производим уборку на своем рабочем столе, заваленном книгами, рукописями и записками, ни о каком приросте теоретического *знания* тут и речи быть не может, тем не менее здесь имеет место непрерывно осуществляемый процесс ориентирования, распознавания, взглядывания и упорядочения; здесь активно задействованы именно эти модусы сознания. Это касается не только прогулок по улицам и уборок на столе, но и наших блужданий по символическим пространствам, где также постоянно приходится наводить порядок, восстанавливать смысловые связи, вновь и вновь усматривать ускользающие от внимания соотношения и корреляции, казалось бы, хорошо знакомые¹⁰. О том, что современное научное обращение с вещами все больше вынуждено миновать не только такую инстанцию, как «знание», но даже и «понимание», мы будем говорить ниже, когда речь пойдет о статистическом моделировании.

Итак, если уж «прирост знания вообще» следует считать лишь частным случаем увеличения понятности, то тем более таковым является стремление к *объективному* знанию. Давно ставшее расхожим представление об истинности как объективности, бытующее преимущественно во внефилософских кругах, сталкивается с рядом трудностей, которые имеет смысл разобрать подробнее. Это важно сделать хотя бы потому, что субъект-объектная терми-

¹⁰ В фильме «Облако-рай» главный персонаж в одном из диалогов произносит примечательную фразу: «Разве так сразу вспомнишь все, что помнишь».

нология, давно используемая далеко за пределами условий своей теоретической применимости, превратилась в набор расхожих, якобы самопонятных словечек, создающих иллюзию обмена «обоснованными» сообщениями, которыми повсеместно (и, увы, весьма безответственно) пользуются в публичном пространстве не только люди, далекие от философии, но зачастую и сами философы. Такое положение дел только вредит глубинному смыслу субъект-объектной метафизики и девальвирует все то ценное, что произошло (и еще только может произрасти) на ее почве. На глубокой и продуктивной идее субъект-объектного разделения держится все колоссальное здание современного естествознания и тех научных дисциплин, где оказались применимы методы объективного научного знания. В частности, всевозможные науки о сознании, фундированные в субъект-объектной метафизике и работающие в режиме «от третьего лица», развиваются семимильными шагами. В этом смысле никаких вопросов и претензий к научному объективному знанию нет. Но мы-то говорим из философской перспективы, в рамках которой вполне осмыслен такой вопрос: как можно оценить философский ресурс субъект-объектной метафизики и объективного знания соответственно? Не исчерпан ли он строго научными формами понимания? И не занимается ли тогда философия не подлежащей ей задачей, силясь конкурировать с наукой на территории самой же науки? Будучи строго определенным теоретическим явлением, язык субъект-объектной метафизики не может не иметь определенных границ, т. е. пределов своих выразительных способностей. Этим очевидным соображением легитимируется такой вопрос: а все ли то, что можно сказать о сознании вообще, допускает возможность перевода на язык объективистской парадигмы? Или, еще точнее: любое ли теоретическое знание должно с необходимостью иметь объективистский характер? Выскажем ряд сомнений по этому поводу.

На мой взгляд, ощущение универсальности субъект-объектного языка коренится в ряде заблуждений и омонимических подмен. И главная из них связана с предельно расширительным употреблением слов «объект» и «субъект». В повседневном языке слово «объект» давно стало синонимом любого предмета разговора, любой рассматриваемой темы, любого нечего, попадающего в фокус внимания. В самом по себе таком употреблении нет ничего вызывающего возражения. Однако очевидно, что на подобном «понятии» объекта никакой теоретической метафизики не построить, идею объективного знания отсюда не добыть. В узко теоретическом смысле слова «объект» есть результат процедур объективации, которые в разных теоретических системах мыслятся весьма по-разному и обладают разной степенью трудности своего осуществления. Например, для Декарта, чьи теоретические рассуждения являются фундаментальными для всего современного естествознания, подлинным объектом может быть только то, что обладает исключительно характеристиками протяженности и полностью избавлено от каких-либо субъектных привнесений – а это результат долгой теоретической работы. Картезианское понятие объекта является омонимом по отношению к его повседневному словоупотреблению. Понятие объекта у Канта также не синонимично любому предмету внимания, хотя и значительно шире картезианского, поскольку «объектность» здесь связана с условиями возможности опыта вообще. Можно приводить и другие примеры серьезных различий. Но общий источник такого рода примеров понятен: существуют целые семейства проблемных ситуаций, когда тема обсуждения является лишь меткой, указующей на некоторую неясность, т. е. является обозначением некоего затрудне-

ния, а вовсе не указанием на конкретный объект. Далеко не все, что попадает в фокус нашего внимания, не все то, о чем мы говорим и думаем, является результатом объективаций; возможен и непредметный опыт, возможна также и непредметная теоретическая тематизация существующих затруднений. Неслучайно феноменология Э. Гуссерля богата разного рода философскими неологизмами (идеация, тематизация, ноэма и т. д.), так или иначе противопоставляемыми процедурам объективации и их результатам, – это следствие ясного понимания необходимости отмежеваться от объективистских парадигм, от привычки мышления видеть вокруг лишь результаты объективаций или, шире, от бесплодного с философской точки зрения само-замкнутого вращения мысли в рамках «естественных установок». На самом деле узость, неадекватность традиционного объективистского концептуального аппарата остро начала ощущаться и в самой науке. В статье Хahalовой А.А. «Субъективность в науках о жизни», тематизирующей новейшие разработки в рамках инактивизма (enactivism, деятельностный подход) и теорий «воплощенного сознания» (embodied mind), говорится и о терминологическом дефиците, и, в частности, о том, что, по мнению ряда специалистов, «Понятие объективной реальности больше не отвечает требованиям научного исследования жизни, так же как и представление о сознании как кодировании, отображении стимула, внешней реальности»¹¹.

Со словом «субъект» связаны аналогичные трудности. Повседневное встречаемое употребление этого слова создает ощущение неограниченной его применимости: благо у нас имеются и «субъекты федерации», и «субъекты предложения», и «логические субъекты», и «подозрительные субъекты», и «трансцендентальные субъекты», и т. п. Опять-таки, широта использования этого слова свидетельствует лишь о том, что терминологически корректное употребление слова «субъект» возможно лишь после надлежащей теоретической обработки. Но в итоге получается тот же самый эффект: как только мы придаем понятиям субъекта и объекта *специфическое значение*, годное для построения той или иной теории, субъект-объектный язык перестает быть универсальным. Ж. Бодрийяр приводит в качестве примера феномен «(человеческой) массы»: теоретическая тематизация «массы», по-видимому, действительно натывается на невозможность говорить о ней ни как об объекте, ни как о субъекте¹².

О границах субъект-объектной метафизики хотелось сказать еще несколько слов, указав на соответствующие, более конкретные проблемы. Один вид проблем можно назвать «внутренним» по отношению к идее объективности, а другой «внешним», поскольку в последнем случае речь идет о том, что по ту сторону идеи объективности существуют и иные, не менее (если не более) основательные в теоретическом плане формы увеличения понятности.

Внутренняя проблема. Во-первых, в рамках идеи объективной истины имеет место – и к тому же постоянно увеличивается – конфликт между *объективностью* истин (добываемых целым набором определенных объективистских методов) и их *понятностью*. Сегодня с уверенностью можно сказать, что значительная часть объема т. н. объективной истины является не-человеческоразмерной, т. е. недоступной людям в качестве чего-то понятного (главный поставщик такого рода «истин» – результаты компьютерных вычислений, не поддающихся своему обозрению человеческим интеллектом). Действи-

¹¹ Хahalова А.А. Субъективность в науках о жизни: самоорганизация, интенциональность и целеполагание // Мысль. 2015. Вып. 18. С. 136.

¹² Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000.

тельно, в каком же смысле «истина», которую по одним критериям следует считать объективной, а по другим – признавать очевидно непонятной, может быть названа «объективным знанием»? Кто или что тут вообще является субъектом подобного «знания»? Какое такое идеализированное существо или устройство? Где и как проходит граница между человекообразными формами объективной истинности и истинами, не поддающимися человеческому пониманию?

О том, что такая граница есть, было замечено уже Г. Риккертом: «... чем лучше объективизм объясняет мир, тем непонятнее делает он его»¹³. Но развитие компьютерной техники вывело эту проблему на совершенно новый уровень. Такое направление, как анализ больших баз данных, основанное на статистической обработке необозримо огромного массива сведений, даже выработало что-то вроде собственной новаторской «философии» (авторы одного из программных текстов сами берут слово «философия» в кавычки). Об этом можно прочитать, например, в работе с характерным названием: «Агностическая наука. К философии анализа данных»¹⁴. Прогностические методы анализа позволяют очень эффективно предсказывать поведение объектов, но такой результат достигается за счет отказа от построения изоморфизмов с объектами, иначе говоря, объект принципиально остается «черным ящиком». Здесь не совершается никакого прироста знания о внутренней структуре объекта. Спектр приложений такого рода моделирования достаточно велик: от погоды и движения ветров до обнаружения аномальностей в физиологическом поведении и до эффективно работающего машинного перевода. К примеру, для успешного перевода в таком случае не требуется никаких представлений о языковой грамматике; перевод достигается совершенно иными средствами. Эти технологии принципиально не ориентированы ни на создание модели самого объекта и ни на его описание (все это исключается чисто технически), здесь нет места иерархическим идеализациям и объяснительным конструкциям. Достигнуть углубленного понимания того, что за объект перед нами, тут невозможно – его замещает «горизонтальное моделирование»¹⁵ статистического поведения разнообразных данных о той среде, в которую этот объект включен: на выходе мы получаем хорошие предсказания, но не объяснения.

Только что обрисованный круг вопросов очерчивает внутреннюю проблему самой идеи объективности: истина как объективность очевидно натывается на проблему принципиальной непонятности исследуемых объектов, в результате чего далеко не всегда ясно, как необозримые массивы «объективных истин» можно превращать в объективное человеческое знание. Но это еще не все: имеет место еще и «внешняя» по отношению к идее объективности проблема.

Внешняя проблема. Дело в том, что установка на объективистское понимание истины совершенно неудовлетворительна с точки зрения самых разных социальных и гуманитарных наук. Самый способ бытия гуманитарных и социальных феноменов не схватывается идеей объективности, как, впрочем, не схватывается идеей субъективности, трактуем ли мы «субъектность» психологически, трансцендентально или еще как-то. Имеем ли мы дело, например, с историей идеи или же с разными аспектами социологического

¹³ Риккерт Г. О понятии философии // Риккерт Г. Философия жизни. Киев, 1998. С. 453.

¹⁴ *Napoletani D., Panza M., Struppa D.* Agnostic Science. Towards a Philosophy of Data Analysis // *Foundations of Science*. 2011. Vol. 16. P. 1–20.

¹⁵ *Pietsch W.* The causal nature of modeling with Big Data // *Philosophy and Technology*. 2016. Vol. 29. No. 2. P. 137–171.

знания, с литературоведческими вопросами или проблемами психологии – везде сказывается чрезмерная узость и неадекватность идеи объективности (точнее говоря, неадекватность самой идеи субъект-объектного членения действительности; неадекватность всей субъект-объектной метафизики и ее терминологического аппарата). Можно заострить сказанное до следующего утверждения: само стремление к «истине», как правило, вообще не отражает сути конечных целей теоретизирования в рамках социальных и гуманитарных наук. О каком стремлении к «истинности» может идти речь, когда мы говорим о *значимости* «древних» произведений культуры для нас сегодняшних? Каким образом исследования эстетической значимости, своеобразия человеческих переживаний и эмоций можно подогнать под идею истинности? Не бывает «объективно смешных анекдотов» или «объективно плохих настроений». В подобных случаях уместен совсем иной концептуальный и оценочный аппарат, совсем другие смысловые пространства, в пределах которых следовало бы осуществлять должную интерпретацию интересующих нас феноменов. Еще пример: там, где речь заходит о теоретическом осмыслении идеи справедливости и соответствующей организации общества, категория «истины» имеет косвенное значение (в лучшем случае чисто инструментальное). Центральным вопросом здесь оказывается не вопрос об истине, а *вопрос о формах самопонимания* индивидов, включенных в бесчисленные сети интерпретативных и прагматических взаимосвязей друг с другом. То же самое касается и терминологического аппарата медицинских наук – центральное для медицины понятие «здоровье» (в особенности «психическое здоровье») невозможно полностью объективировать, поскольку оно включает в себя нередуцируемые компоненты самопонимания, самооценки, самоощущения, которые бессмысленно пытаться интерпретировать в терминах объективных наблюдений. Более того, такая попытка будет *объективно неверной* (по иронии судьбы слово «объективный» как раз тут оказывается уместным): сегодня накоплена масса данных о том, как нас обманывает наш мозг, а наше сознание обманывает само себя, – иными словами, самопонимание сознания часто не совпадает с тем, что говорят объективные наблюдения о работе соответствующего организма (многие примеры несовпадения объективных наблюдений мозга и самопонимания собраны, например, в книге К. Фрит «Мозг и душа»¹⁶). Тем не менее для успешного решения практических человеческих задач мы использовали и будем использовать именно такое – обманывающееся, не-объективно мыслящее – сознание. Сознание, со всеми его иллюзорностями и миражами, лучше всего приспособлено для нашего выживания в природе, самопонимания и человеческого сосуществования, и его не заменят нам никакие объективистски истолкованные проекции психики, почерпнутые из наблюдений за так называемой природой.

Сказанное можно увидеть еще в одной перспективе. Подобно тому как невозможно корректно определить понятие родителя независимо от понятия ребенка, учителя от ученика (и т. п.), понятие объективности невозможно определить независимо от понятия субъекта. Исторически идея объективности шлифовалась в качестве научной идеи за счет того, что объективность мыслилась как некая форма независимости бытия (и независимости знания об этом бытии) от *произвола* субъекта и разного рода случайностей, связанных с ним; а субъективность де-факто мыслилась как вне-мировая, не вмешивающаяся в мировые процессы инстанция наблюдения (т. е. как виде идеализированного наблюдателя, который везде и нигде, в соответствии, например, с

¹⁶ Фрит К. Мозг и душа: Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. М., 2016.

ньютонической метафорой «чувствилища Бога» или картезианским эго). Простым следствием этого взаимоопределения субъективности и объективности является то, что полностью объективно познанный мир – это мир, в котором нет места для субъекта: здесь субъект вытолкнут во внемировую перспективу «внешнего» наблюдения за миром. Действительно, ведь (если уж говорить на языке субъект-объектной метафизики) сознание – это *форма зависимости* субъекта от самого себя (т. е. форма зависимости субъекта от самого же субъекта), и ее по определению нельзя втиснуть в рамки объективного знания, поскольку объективность – это нечто абсолютно противоположное, ибо это форма *не-зависимости* от субъекта. Объективно понятый субъект – это оксюморон. Тут нужны другие понятия, другие идеализации, другие формы обращения с сознанием. Как мы уже говорили, здесь необходимо продолжать разрабатывать новый понятийный инструментарий, к примеру, в том духе, в каком эту работу начали проделывать феноменология и герменевтика.

Одно из перспективных научно-философских направлений, которое называется кибернетикой второго порядка, призвано, в частности, ликвидировать такого рода тупики субъект-объектной терминологии, в ряде случаев служащие причиной возникновения метафизического дуализма и целой серии нежелательных последствий. Программный номер журнала “Constructivist Foundations” (2016. Vol. 11. No. 3) посвящен обзору основных направлений второпорядковой кибернетики, основным девизом которой является «взгляд изнутри», т. е. создание эндонаучных теорий (противопоставляемых экзонаучным теориям), способных теоретически тематизировать наблюдателя исследуемой предметности одновременно с самой предметностью (см., в частности, обзорную статью “Mapping the varieties of the Second-order cybernetics” указанного журнала)¹⁷. **Я не сомневаюсь, что этот поворот принесет множество теоретических дивидендов для космологии, экономики, социологии, математики и многих других научных дисциплин.** Однако, думается, вовсе не достаточно просто переинтерпретировать понятие *субъекта* внутримировым образом для успешной тематизации *сознания*. Ведь вообще заранее неясно, можно ли специфику сознания исчерпывающим образом понять, *тематизируя сознание как субъект*. Быть может, феномен сознания вообще невозможно без смысловых потерь втиснуть в субъект-объектную метафизику ни в качестве классического субъекта, ни в качестве субъекта второго порядка¹⁸. Обратим внимание еще на один выпуск журнала “Constructivist Foundations” (вышедший через год после выхода уже цитированного журнала), имеющий подзаголовок «Создание науки об опыте», посвященный исследованию результатов работ по нейрофеноменологии, микрофеноменологии и другим направлениям науки, пытающимся синтезировать достижения науки о сознании с феноменологической философией сознания. В свое время эта работа была инициирована Ф. Варелой в связи с непреодолимыми трудностями, с которыми сталкивается не только объективистская наука о сознании, но также и аналитическая философия сознания, стоящая на тех же самых метафизических основаниях, что и наука¹⁹. Так вот, в этом номере теме соотношения

¹⁷ Müller K.H., Riegler A. Mapping the varieties of the second-order cybernetics // Constructivist Foundations. 2016. Vol. 11. No. 3. P. 443–454.

¹⁸ Аргументы против того, чтобы понимать личность просто как «многоуровневую внутримировую вещь», можно найти в кн.: Хайдеггер М. Указ. соч. С. 134.

¹⁹ Программная статья Варелы 1996 г. отталкивалась от идеи неразрешимости т. н. «трудной проблемы сознания» (название этого затруднения было введено в обиход Д. Чалмерсом в 1995 г.: Chalmers D. Facing up to the problem of consciousness // Journal of Consciousness Studies. 1995. Vol. 2. No. 3. P. 200–219) объективными методами и призвала привлечь внимание к конструктивным ходам, разработанным феноменологами, для того, чтобы убедить

субъектности и сознания посвящено несколько примечательных пассажей в статье Клэр Петитменгэн с соответствующими дальнейшими ссылками. В противоположность точке зрения известного феноменолога Д. Захави²⁰, представляющего авторитетную и разделяемую многими исследователями позицию, К. Петитменгэн указывает на ряд оснований, в соответствии с которыми не всегда правомерно считать нераздельными субъективные и качественные характеристики феноменального сознания: живой опыт того, что значит быть кем-то или испытывать то-то и то-то, не обязательно является опытом для субъекта. «Феноменальное сознание может встречаться в опыте, не сопровождающемся осознанием “самости”»²¹. Это положение не является центральным для вышеуказанной статьи, но играет важную роль для основной задачи, которая стояла перед автором, – реконструкция генезиса и, соответственно, демонстрация эпистемической вторичности субъект-объектного расщепления действительности, которое многими исследователями берется как простая (эмпирическая) данность.

Поскольку у нас речь зашла о диалоге науки и феноменологии, то имеет смысл обратить особое внимание на следующее обстоятельство. В отличие от аналитической философии сознания, феноменология пошла по пути полного отказа от субъект-объектного «жаргона» (это касается феноменология Хайдеггера и «позднего» Гуссерля) и изобретению собственного словаря, собственных основополагающих принципов. Тем не менее именно такое *инакомыслие* оказалось продуктивным для науки. Это терминологическое очищение и выявление собственного проблемного поля оказалось очень продуктивным и для самой феноменологии; нам в дальнейшем этот феноменологический ход тоже будет важен – его ключевым моментом является замещение темы чистого сознания (понятого субъектно) темой *бытия-в-мире*, а затем и вообще темой «мир»²².

Продолжая развивать тему феноменологии, смею все же предположить, что многие основные проблемы и конструктивные ходы мысли, которые мы находим у ранних феноменологов (у Гуссерля, разрабатывавшего такие концепты, как ретенция, протенция, сознание времени²³, и множество других; у Хайдеггера, разрабатывавшего аналитику Dasein), мы найдем уже задействованными в ряде современных научных направлений. О чем это говорит? Возможно, это значит следующее: феноменология, например в форме аналитики Dasein, в своем первоначальном замысле пришла к своему успешному завершению (в точности в том смысле, который этому придавал Хайдеггер)²⁴. В этом первичном виде проект исчерпан, поскольку и проблемное поле, и конструктивно разработанные идеи феноменологии (разумеется, в

исследователей в необходимости радикальной трансформации самых глубинных основ современных наук о сознании (*Varela F.J. Neurophenomenology: A methodological remedy for the hard problem // Journal of Consciousness Studies. 1996. Vol. 3. No. 4. P. 330–349.*)

²⁰ Zahavi D. Subjectivity and selfhood: Investigating the first-person perspective. Camb. (MA); L., 2005.

²¹ *Petitmengin C. Enaction as a lived experience: Towards a radical neurophenomenology // Constructivist Foundations. 2017. Vol. 12. No. 2. P. 145.*

²² Хельд К. Хайдеггер и принцип феноменологии // Ежегодник по феноменологической философии. Т. I. М., 2008. С. 190–220.

²³ Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М., 1994.

²⁴ Критерий успешного завершения того или иного философского (феноменологического) проекта четко сформулирован Хайдеггером: «...главное в философии – раскрыть новые области, сами предметные области, и посредством продуктивного образования понятий сделать их достоянием науки» (*Хайдеггер М. Указ. соч. С. 22*). Я считаю, что это уже произошло с первоначальным замыслом Dasein-аналитики.

превращенном, преобразованном и адаптированном для науки виде) начинают активно входить в научный обиход и философию науки²⁵. (Заметим, что аналитическая философия сознания, или, например, неокантианство в этом смысле дали гораздо меньше естественным наукам, нежели феноменология.) Но это не означает «смерти» феноменологии, это говорит лишь о том, что дело феноменологии может быть возобновлено только на принципиально более глубокой, новой проблемной основе. Думается, Хайдеггер бы только приветствовал такую постановку вопроса.

Напомним, что все это мы говорили для того, чтобы понять, почему к числу базовых «исследовательских интенций» мы отнесли увеличение понимания, увеличения предсказуемости и увеличение упорядоченности, а не, например, стремление к (объективной) истине, которое мы рассматриваем как многообразно обусловленное историческими и прочими факторами. Пришло время спросить: ответили ли мы (хотя бы предварительно) на вопрос о том, почему наши три типа интенций можно принять в качестве базовых и действительно ли они охватывают весь горизонт теоретических устремлений?

На данный момент мы получили следующее, возможно, нечто более важное. Мы постарались заострить внимание на том, что *множественность теоретических интенций не случайна*: за ней стоит недостаточность каждого отдельно взятого направления – об этом свидетельствует ряд обозначенных выше целевых конфликтов: между понятностью теоретического знания и его объективностью, между дескриптивной силой и предсказательной силой теорий, разрыв между объяснительными и предсказательными возможностями, между нацеленностью на изучение «неживой» природы и изучением общественных, психических и прочих феноменов жизни (некоторые повороты этой темы мы конкретизируем в следующей части статьи). В зависимости от того, что именно мы хотим узнать о том или ином феномене (или, шире, как именно мы хотим в дальнейшем с ним обращаться), мы вынуждены будем выбирать между различными языками с различной выразительной силой, различными критериями успешности, различными идеализациями того, кто или что является «субъектом знания» теории и т. д. Увеличение информативности (одних теорий) в одном отношении практически наверняка приведет к уменьшению информативности (других теорий) в каком-то другом отношении. Эффективность действия очень часто находится в противоречии в эффективности знания, а глубина понимания в противоречии с результативностью предсказаний. Здесь, по причине целевых конфликтов между тео-

²⁵ Предлагаю сравнить 1) идею Хайдеггера трактовать «понимание как набросок бытия – на время» (Хайдеггер М. Указ. соч. С. 139), основанную на оригинальном феноменологическом анализе, с идеей «множественных набросков» Д. Деннета, которая полвека спустя была основана им уже на научно подтвержденных данных. 2) Dasein понимается Хайдеггером как «своя собственная возможность и свои возможности» (§ 31): я утверждаю, что сравнение конструктивно развернутого схематизма, реализующего структуры Dasein, при «переводе» на научный язык позволяет усмотреть глубинные соотношения с базовыми чертами архитектуры вероятностных моделей, реализующих поведение «интеллектуальных роботов», имитирующих поведение живых организмов. 3) Можно сравнить также обоснованное смещение фокуса внимания с «высших этажей» интеллектуальных способностей на «низшие» ее этажи – т. е. на способность воображения и творческого восприятия. В философии этот продуктивный сдвиг впервые произвела феноменология; в рамках информатики наиболее отчетливо необходимость такого сдвига была обоснована, видимо, Д. Хофштадтером (см. Hofstadter D. Fluid Concepts and Creative Analogies: Computer Models of the Fundamental Mechanisms of Thought. N. Y., 1995): сегодня это самое перспективное направление в рамках моделирования «искусственного разума».

риями, намечается многомерная сеть связанных между собой теоретических конструкций, частично переводимых одна в другую, а частично нет (частичная взаимная непрозрачность)²⁶.

Итак, множественность базовых интенций неслучайна, и это уже некий шаг вперед. Вернемся к вопросу: существует ли один главный вопрос об «устройстве» сознании или нет? Пока наших аргументов недостаточно, чтобы однозначно сказать нет, но, я думаю, вероятность этого ответа значительно выше, чем ответа противоположного. Теперь пришла пора попытаться окинуть взглядом основные направления той работы, которая ведется современными исследователями, – это нам позволит более основательно подкрепить нашу гипотезу. Этим вопросом мы займемся в следующей части, которая будет посвящена трем основополагающим методологическим подходам к изучению сознания.

Список литературы

- Ахутин А.В.* Поворотные времена. СПб.: Наука, 2005. 743 с.
- Библер В.С.* От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1990. 413 с.
- Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Пер. с фр. Н.В. Суслова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 96 с.
- Васильев В.В.* Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 272 с.
- Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа / Пер. с нем. Г.Г. Шпега; под. ред. М.Ф. Быковой. М.: Наука, 2000. 495 с.
- Гуссерль Э.* Феноменология внутреннего сознания времени / Пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Гнозис; Логос, 1994. xiv, 163 с.
- Декарт Р.* Первоначала философии / Пер. с лат. С.Я. Шейнман-Топштейн, с фр. Н.Н. Сретенского // *Декарт Р.* Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 297–422.
- Крикке С.А.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / Пер. с англ. В.А. Ладова и В.А. Суровцева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 152 с.
- Павлов-Пинус К.А.* Фундаментальные теории (сознания и не только): проблемы, ошибки, перспективы // *Vox. Филос. журн.* 2016. № 21. URL: <https://vox-journal.org/html/issues/347/374> (дата обращения: 12.12.2017).
- Патнем Х.* Комментарии к лекциям // *Пирс Ч.С.* Рассуждение и логика вещей: Лекции для Кембриджских конференций 1898 года / Пер. с англ. Д.Г. Лахути, М.Д. Лахути и С.О. Кузнецова. М.: РГГУ, 2005. С. 69–124.
- Риккерт Г.* Философия жизни / Пер. с нем. Киев: Ника-Центр, 1998. 506 с.
- Смирнов А.В.* Смыслополагание и инаковость культур // Россия и мусульманский мир: инаковость как проблема / Отв. ред. А.В. Смирнов. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 15–123.
- Фритт К.* Мозг и душа: Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир / Пер. с англ. П. Петрова. М.: АСТ; CORPUS, 2016. 335 с.
- Хайдеггер М.* Прологомены к истории понятия времени / Пер. с нем. Е.В. Борисова. Томск: Водолей, 1998. 384 с.
- Хахалова А.А.* Субъективность в науках о жизни: самоорганизация, интенциональность и целеполагание // *Мысль.* 2015. Вып. 18. С. 129–142.
- Хельд К.* Хайдеггер и принцип феноменологии / Пер. с нем. // Ежегодник по феноменологической философии. Т. 1. М.: РГГУ, 2008. С. 190–220.
- Chalmers D.* Facing up to the problem of consciousness // *Journal of Consciousness Studies.* 1995. Vol. 2. No. 3. P. 200–219.

²⁶ См. об этом более подробно: *Павлов-Пинус К.А.* Фундаментальные теории (сознания и не только): проблемы, ошибки, перспективы // *Vox. Философский журнал.* 2016. № 21. URL: <https://vox-journal.org/html/issues/347/374> (дата обращения: 12.12.2017).

Dennett D. Consciousness explained. N. Y.; Boston; L.: Back Bay Books; Little, Brown and Co., 1991. 511 p.

Hofstadter D. Fluid Concepts and Creative Analogies: Computer Models of the Fundamental Mechanisms of Thought. N. Y.: Basic Books, 1995. 528 p.

Müller K.H., Riegler A. Mapping the varieties of the second-order cybernetics // Constructivist Foundations. 2016. Vol. 11. No. 3. P. 443–454.

Napoletani D., Panza M., Struppa D. Agnostic Science. Towards a Philosophy of Data Analysis // Foundations of Science. 2011. Vol. 16. P. 1–20.

Petitmengin C. Enaction as a lived experience: Towards a radical neurophenomenology // Constructivist Foundations. 2017. Vol. 12. No. 2. P. 139–147.

Pietsch W. The causal nature of modeling with Big Data // Philosophy and Technology. 2016. Vol. 29. No. 2. P. 137–171.

Varela F.J. Neurophenomenology: A methodological remedy for the hard problem // Journal of Consciousness Studies. 1996. Vol. 3. No. 4. P. 330–349.

Zahavi D. Subjectivity and selfhood: Investigating the first-person perspective. Camb. (MA); L.: A Bradford Book; MIT Press, 2005. 265 p.

Theorizing about consciousness: an epistemological prolegomenon Part I

Konstantin A. Pavlov-Pinus

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: pavlov-koal@ya.ru

This article discusses the following problems. What is the correct way to pose questions about consciousness nowadays? What exactly are we interested in when we investigate the nature of consciousness? Wherefrom should the criteria for the ‘rightness’ of answers be derived? Should we expect to come up eventually with a final theory that explains everything about consciousness, or rather accept that the horizon of questioning about consciousness will always become more and more complicated, differentiated and removed further and further from us? The search for the solutions to these problems requires a preliminary analysis of the whole spectrum of human intentions that drive forward to theorizing as such. We will try to justify that the internal multiplicity of this spectrum appears not to be accidental, particularly, the assumed exclusiveness of objective approaches to consciousness will be submitted to a critique, to explain why it is wrong to consider the quest for objective truth among the basic theoretic intentions, especially when it comes to thematizing consciousness. We will also argue that the phenomenological project of Dasein-analysis, in its original version, appears to be successfully exhausted, for modern science has adopted most of phenomenological discoveries, at least on their technical side, which is reflected in several methods of computer modeling of cognitive and behavioral processes, and such branches of theoretical research as neurophenomenology, microphenomenology, cardiophenomenology and others. This suggests exploring the possibility of principally new ways of questioning about consciousness.

Ключевые слова: theorizing consciousness, understanding, basic theoretic intentions, objective truth, Dasein-analysis, neurophenomenology, second-order cybernetics, theoretical goal conflicts

References

- Akhutin, A.V. *Povorotnye vremena* [The Turning Times]. St.Petersburg: Nauka Publ., 2005. 743 pp. (In Russian)
- Baudrillard, J. *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo* [A l'ombre des majorités silencieuses, ou la fin du social], trans. by N.V. Suslov. Yekaterinburg: Ural St. Univ. Publ., 2000. 96 pp. (In Russian)
- Bibler, V.S. *Ot naukoucheniya – k logike kul'tury: Dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyi vek* [From Wissenschaftslehre to the Logic of Culture. Two Philosophical Introductions to the Twenty first Century]. Moscow: Politizdat Publ., 1990. 413 pp. (In Russian)
- Chalmers, D. “Facing up to the problem of consciousness”, *Journal of Consciousness Studies*, 1995, Vol. 2, No. 3, pp. 200–219.
- Dennett, D. *Consciousness explained*. New York; Boston; London: Back Bay Books; Little, Brown and Co., 1991. 511 pp.
- Descartes, R. “Pervonachala filosofii” [Les Principes de la philosophie], trans. by S.Ya. Sheinman-Topshtein and N.N. Sretenskii, in: R. Descartes, *Sochineniya* [Works], Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1989, pp. 297–422. (In Russian)
- Frith, Ch. *Mozg i dusha: Kak nervnaya deyatel'nost' formiruet nash vnutrennii mir* [Making up the Mind: How the Brain Creates our Mental World], trans. by P. Petrov. Moscow: AST Publ.; CORPUS Publ., 2016. 335 pp. (In Russian)
- Hegel, G.W.F. *Fenomenologiya dukha* [Phänomenologie des Geistes], trans. by G.G. Shpet, ed. by M.F. Bykova. Moscow: Nauka Publ., 2000. 495 pp. (In Russian)
- Heidegger, M. *Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni* [Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs], trans. by E.V. Borisov. Tomsk: Vodolei Publ., 1998. 384 pp. (In Russian)
- Held, K. “Khaidegger i printsip fenomenologii” [Heidegger und das Prinzip der Phänomenologie], *Ezhegodnik po fenomenologicheskoi filosofii*, Vol. I. Moscow: RGGU Publ., 2008, pp. 190–220. (In Russian)
- Hofstadter, D. *Fluid Concepts and Creative Analogies: Computer Models of the Fundamental Mechanisms of Thought*. New York: Basic Books, 1995. 528 pp.
- Husserl, E. *Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni* [Vorlesungen zur Phänomenologie des inneren Zeitbewusstseins], trans. by V.I. Molchanov. Moscow: Gnozis Publ.; Logos Publ., 1994. xiv, 163 pp. (In Russian)
- Khakhalova, A.A. “Sub”ektivnost' v naukakh o zhizni: samoorganizatsiya, intentsional'nost' i tselepolaganie” [Subjectivity in bio-sciences: self-organization, intentionality and teleology], *Mysl'*, 2015, Vol. 18, pp. 129–142. (In Russian)
- Kripke, S.A. *Vitgenshtein o pravilakh i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on Rules and Private Language], trans. by V.A. Ladov and V.A. Surovtsev. Tomsk: Tomsk St. Univ. Publ., 2005. 152 pp. (In Russian)
- Müller, K.H. & Riegler, A. “Mapping the varieties of the second-order cybernetics”, *Constructivist Foundations*, 2016, Vol. 11, No. 3, pp. 443–454.
- Napoletani, D., Panza, M. & Struppa, D. “Agnostic Science. Towards a Philosophy of Data Analysis”, *Foundations of Science*, 2011, Vol. 16, pp. 1–20.
- Pavlov-Pinus, K.A. “Fundamental'nye teorii (soznaniya i ne tol'ko): problemy, oshibki, perspektivy” [Fundamental Theories (of Consciousness and not only): problems, prospects and mistakes], *Vox. Filosofskii zhurnal*, 2016, No. 21 [https://vox-journal.org/html/issues/347/374, accessed on 12.12.2017]. (In Russian)
- Petitmengin, C. “Enaction as a lived experience: Towards a radical neurophenomenology”, *Constructivist Foundations*, 2017, Vol. 12, No. 2, pp. 139–147.
- Pietsch, W. “The causal nature of modeling with Big Data”, *Philosophy and Technology*, 2016, Vol. 29, No. 2, pp. 137–171.
- Putnam, H. “Kommentarii k lektsiyam” [Comments to Lectures], in: Ch.S. Peirce, *Rassuzhdenie i logika veshchei: Lektzii dlya Kembridzhskikh konferentsii 1898 goda* [Reasoning and the Logic of Things: The Cambridge Conferences Lectures of 1898], trans. by D.G. Lakhuti, M.D. Lakhuti and S.O. Kuznetsov. Moscow: RGGU Publ., 2005, pp. 69–124. (In Russian)

Rickert, H. *Filosofiya zhizni* [Die Philosophie des Lebens], trans. from German. Kiev: Nika-Tsentr Publ., 1998. 506 pp. (In Russian)

Smirnov, A.V. “Smyslopolaganie i inakovost’ kul’tur” [Sense-generation and Otherness of Cultures], *Rossiia i musul’anskii mir: inakovost’ kak problema* [Russia and Muslim World: Otherness as a Problem], ed. by A.V. Smirnov. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul’tur Publ., 2010, pp. 15–123. (In Russian)

Varela, F.J. “Neurophenomenology: A methodological remedy for the hard problem”, *Journal of Consciousness Studies*, 1996, Vol. 3, No. 4, pp. 330–349.

Vasil’ev, V.V. *Trudnaya problema soznaniya* [Hard Problem of Consciousness]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2009. 272 pp. (In Russian)

Zahavi, D. *Subjectivity and selfhood: Investigating the first-person perspective*. Cambridge (MA); London: A Bradford Book; MIT Press, 2005. 265 pp.